

РЕАЛИЗМ

Никита Куренцов, одаренный молодой живописец, расположился на высоком берегу речушки, имени которой не знал, да, собственно, и не заботился этим. За рекой, неожиданно выныривая из прибрежного раkitника, вытянутый зигзаг дороги бежал к беленой церковке и, миновав её, безрассудно пропадал в сосняке. Луг по сторонам дороги был припорошен ромашками.

Художник кропотливо выписывал церковный купол, возвышающийся над лесом, когда услышал за своей спиной лёгкий вздох.

В сторонке стоял мальчик лет семи. Обычный деревенский пацан: замурзанные штаны, непонятного цвета майка с портретом Че Гевары, соломенные от солнца волосы, облупленный нос и уши врасстопырку. В рыжих глазах боязливый интерес.

– Привет, – улыбнулся Никита.

В ответ мальчуган суетливо клюнул носом, который тут же и утёр указательным пальцем.

Никита продолжил работу. Более тесного знакомства он не желал – любил и ценил одиночество, но и против присутствия мальчика не возражал: постоит, посмотрит да и ускачет по неотложным мальчишеским делам.

Однако парнишка не собирался уходить. Наоборот, вроде, приближался, не отрывая настороженного взгляда от изображения на холсте.

– А это что у вас? – осмелев, он ткнул смуглым пальцем в полотно.

– Разве не видишь, небо.

– Небо-то вижу, – нетерпеливо отмахнулся пацан. – А вот это, на небе?

– Облака.

Мальчик медленно перевёл взгляд с нарисованного неба на настоящее, подумал-подумал и изрёк:

– Но их же нету.

– Нету, – весело согласился Никита. – Это художественный вымысел. Церковный купол на фоне облаков смотрится лучше. Он как бы являет собой надежду среди туч...

– А сколько окошек в церкви? – мальчишку мало интересовали объяснения живописца.

Никита посмотрел на холст и ответил:

– Три.

– А у нас пять! – победно заорал пацан. – Вот поглядите: они все отсюда видны. Раз, два, три, четыре, пять!

Художник досадливо поморщился – незванный помощник начинал докучать.

На дороге, ведущей к церкви, показались трое ребят с корзинками. Позади трусила собачонка.

Никита, мгновенно оценив ситуацию, быстрыми движениями кисти схватил силуэт живописной группки, отмечая про себя, что мучительно думает: как бы под-ростков на холсте не оказалось двое или четверо вместо троих. Он даже сморгнул и ещё раз пересчитал удаляющиеся фигуры.

Пацан, по вихрастую макушку погружённый в творческий процесс, появление новых деталей увидел только на картине, указал на собаку и понимающе заметил:

– Заяц. Художественный умысел.

– Мальчик, – Никита старался говорить ласково. – Тебе, наверное, пора обедать. Mamka, небось, беспокоится.

– Да не. Мать в поле, а есть я ещё не хочу... – начал мальчуган и поперхнулся, взглянув поверх мольберта.

Голосом, севшим от негодования, он прошелестел:

– Это же СОБАКА! Петькина Жучка! И сам Петька с Ленкой и Веркой. А вы...

Пацан выглядел обиженным и обескураженным, он отступил от этюдника, но не ушёл, а глядел на художника с весьма выразительным укором.

«С какой стати я должен раздражаться из-за какого-то сопливого мальчишки?» – спрашивал себя Никита. Он перестал обращать на мальчика внимание, а вскоре и вовсе забыл о его существовании. Вдохновение вернулось. Живописца вновь заполнили небо, река, луг...

Закончив работу, Никита прилёг на склон и смотрел, как быстрокрылые деревенские ласточки таранят белесое небо. Задумавшись, он не сразу сообразил, кто это громко сопит неподалёку. А вспомнив про своего юного приятеля, приподнялся на локтях и посмотрел в ту сторону, где оставил этюдник.

Пацан стоял перед треногой с водруженной на неё картиной и самозабвенно ковырял пальцем крапак красный. Один большой шаг сделал Никита к этюднику, и кулаки его судорожно сжались.

Мальчишка пальцем заканчивал выводить в левом нижнем углу картины «КОЛЯ». Крупно. Сочно.

– А ну!.. – задохнулся Никита.

Застигнутый врасплох Коля резво отпрыгнул в сторону и округлил моментально отсыревшие глаза. Шмыгнул носом и привычно мазнул по нему рукой, «окровавленной» краской, – нос тотчас тоже сделался «кровавым». Выглядел парень, как побеждённый в драке: расквашенный нос, испуганные мокрые глаза, опущенные плечи.

Деревенские мальчишки, не признающие компромиссов и всем сердцем презирующие трусов, не сдаются никогда. Коля пребывал в неопределенности лишь мгновение. Нахохлившись, как молодой петушок, он бросился в контратаку. Ему, наверное, так показалось. На самом деле он начал пятиться, быстро стреляя словами:

– А чего я сделал-то!? Всё равно картина плохая! И собак таких, похожих на зайца, у нас нету! И небо... Врёте вы всё! А ещё художник!..

Оставив за собой последнее слово и испорченную картину, как отмщение за оболганную Петькину Жучку, мальчишка припустил по склону к реке.

Молодой художник Никита Куренцов остался один размышлять о реализме в изобразительном искусстве.

Июль 2003 г.